

От редактора рубрики

Тема, к которой мы решили обратиться, не нова, но оттого ничуть не тривиальна – Зарубежная Россия. Осмысление ее невозможно без понимания на первый взгляд очевидных вещей – что есть Россия во времени и пространстве, где простираются ее границы и кто мы – все те, кто зовут себя россиянами? Мы осознаем, что не сможем расставить здесь все точки над "i". Понятно, что подобная сверхзадача является неразрешимой по ряду причин. Саморефлексия всегда ограничена интересом эпохи, кругозором авторов, а наш журнал – объемом. Поэтому, как кажется, столь неисчерпаемая тема, может и должна быть продолжена. Публикуемые нами статьи – это лишь небольшой срез указанной проблематики.

Пространственные границы нашего Отечества изменялись и еще не раз поменяются во времени. Понимание того, что есть Россия, также не константно. На современном этапе, который начался с крушением СССР, одни видят закат нашей страны, а другие – новые горизонты для ее развития. Пессимисты полагают, что мы сходим с исторической сцены как игроки первой лиги и уже навсегда. Сама постановка вопроса – какое наследие оставила Россия в мировой культуре – похожа на приговор. С другой стороны, то, что нас до сих пор мучит этот вопрос – свидетельство историчности, в гегелевском смысле слова – нашей культуры. Мы не можем и не хотим остаться незамеченными в числе великих народов. Но кто такие "мы", что это за особая психофизическая среда, порождающая знакомую каждому из "нас" красоту и глупость "нашего" бытия?

Популярное ныне увлечение многих гуманитариев – клиометрия – успокаивает нас, говоря, что Россия всегда переживала циклы подъема, расцвета, кризиса, распада и нового подъема (как, впрочем, и другие культурные агломерации первого порядка или цивилизации, если угодно). Для русской истории характерен столетний цикл, и вот уже все с опаской ждут нового "17-го" и "37-го". Спекулятивные чары подобного подхода мало отвечают критериям науки, они скорее квазинаучны (вроде бы цифры, прогнозы, но фундамент неточен: исторические процессы стихийны, а люди непредсказуемы и далеки от рационального поведения). Милые охранительно-патриотические лубки сменяются либеральными тревогами глобализации и прочими суверенными социофобиями. История же идет своим чередом.

Границы России проходят не только по суше и морю, но и в головах соотечественников. По поводу данных границ между людьми нет согласия. Мы сегментирующийся социум, сжимающийся как шагреновая кожа. У многих сегодня возникает вопрос – не исчерпала ли страна свой человеческий потенциал (качественный и количественный)? Раздаются идеи "сбережения" России. Отметим здесь же, что наша беда и счастье как раз и состоит в известном консерватизме и раздвоенности сознания в отношении традиций и инноваций. Двуглавым орлом мы смотрим на мир: то желая объять его, то раствориться в глобальном прогрессе без остатка.

Как известно, носителем культуры является человек. В индустриальную эпоху, а в особенности после нее миграционные процессы на пла-

нете приняли огромные масштабы. Они значительно ускорили обмен культурной информацией между народами. Проводниками ее выступают различного рода социальные сети в широком смысле этого слова. Непосредственными носителями национальной культуры в инокультурной среде были и остаются мигранты, по ним судят о стране исхода. Здесь мы сталкиваемся с двумя взаимосвязанными вопросами – каков адаптивный потенциал русской культуры, и какие элементы формируют каркас, поддерживающий ее целостность в глазах иностранцев и этнофоров? Согласно закону энтропии, который на свой лад интерпретировали неозолучионисты, превратив в закон потенциала развития, все закрытые системы менее стабильны и приспособлены к развитию (на этом фундаменте в мире выстраиваются сложнейшие более или менее успешные иерархии и горизонтальные сети – языковые, национальные, этнические, профессиональные и т.п.). Каждый новый столетний цикл Россия начинала со стремительного роста производительных сил, который впоследствии сменялся откатом назад и реакцией. В такие периоды Россия "исторгала" из себя волны мигрантов. Сегодня выходы из бывшего СССР и России образуют одну из самых больших диаспор на планете (численно сопоставимую с крупнейшей китайской).

Большинство представленных в настоящем выпуске статей затрагивает проблему адаптации русскоязычного населения в англоговорящих странах – США, Канаде, Австралии. Этот процесс адаптации был многогранным. В предметном плане внимание уделяется вышеупомянутой проблеме диаспоры. Сам термин имеет библейские корни и означает "рассеяние": во Второзаконии и других местах Ветхого завета этот термин употреблялся в контексте наказания Господнего за деяния неправедные, следствием которых является "рассеяние" народа. В научном лексиконе данный термин обозначает группу людей, живущих за пределами исторической родины, с которой они могут быть связаны не только происхождением, но и определенными чувствами. У диаспоры должны быть институты, поддерживающие ее единство. Русская (шире российская) диаспора не имеет такой самоорганизации, как, скажем, китайская, и выглядит более разобщенной.

В работе А.А. Хисамутдинова рассматривается деятельность русской (российской) диаспоры на тихоокеанском побережье США в XX в., дается ее социальная и структурная характеристика.

Автор, опираясь на солидный источниковый фундамент и собственные данные, рисует нам яркую картину взаимоотношений между россиянами и американцами. Показательно следующее мнение одного из американцев. "Русские не умеют вести непринужденные, дружеские и цивилизованные отношения с нами, людьми доброжелательными и воспитанными. Чтобы ни говорилось, мы все-таки хозяева этой страны. В них, по-видимому, нет достаточного такта, чтобы понять, что известный декорум должен быть соблюден. В лучших случаях они позволяют нам присутствовать на своих развлечениях, где они веселятся по-своему и требуют, чтобы мы полностью всецело подчинялись их чуждым для нас обычаям и приемам. Вообще же они чуть не подчеркивают, что мы для них "безразличны".

Несмотря на ряд традиций, пришедшихся по душе американцам, они отмечали чуждость установлений русских местному образу жизни, сетуя на то, что русские в Америке всегда были озабочены сохранением национальной культуры.

Очень рано в русской диаспоре произошел раскол по вопросу – в какой мере необходимо сохранять свою "русскость", свои национальные особенности, нужно ли передавать русские традиции последующему поколению, не помешает ли это новой жизни в США. Особенно волновала

мигрантов проблема сохранения языка. Пожалуй, именно он, да еще религия являлись теми краеугольными камнями, на которые опиралось здание русской идентичности. Оно сильно накренилось со второй половины XX в. и дало трещины. Тому есть простые причины – в современных условиях для того, чтобы успешно социализироваться в стране-реципиенте, необходимо преодолевать культурные барьеры (в первую очередь языковые). В англоязычных странах данный процесс шел и идет быстрее, так как эти барьеры сравнительно невелики (в сравнении с тем же Китаем).

Статья Ю.В. Аргудяевой посвящена исследованию уникальной и наиболее консервативной среды – русским старообрядцам в Америке. В настоящей работе автор делает еще один шаг к осмыслению закономерностей бытования русской старообрядческой культуры за рубежом на основе собственных полевых материалов, полученных в ходе экспедиций в штате Аляска (США) 2009 – 2010 гг.

Данный пример ставит перед исследователем ряд сложных вопросов о специфике адаптации к новому региону инокультурных и иноконфессиональных групп, влиянии на данный процесс национальных особенностей и их трансформации в хозяйственном и семейном быту, материальной культуре, и ряд других.

Ведущая роль религиозных традиций в сохранении и развитии русской культуры за пределами России очевидна. Нельзя не согласиться с Ю.В. Аргудяевой, что существование на современном этапе старообрядчества – в той форме, в которой оно смогло сохраниться – можно считать явлением уникальным. Сегодня старообрядчество продолжает существовать как самобытная, устойчивая к изменениям форма русской культуры. Это особенно удивительно в наши дни, когда, с одной стороны, отмечается общесистемный кризис духовной культуры России, выраженный в бесконечном поиске национальной идеи, исторических корней и в попытках самоидентификации в мировом историческом процессе, а с другой, все более усиливается процесс глобализации как формы существования современной западной цивилизации. Опыт же старообрядцев показал удивительную "живучесть" их культуры как на Востоке (в Китае), так и на Западе (в США).

Как было отмечено, сохранение и поддержание групповой солидарности диаспоры опирается на определенные институты. В массовом обществе важнейшим из них являются печатные, а ныне электронные, медиа. Сегодня СМИ играют не только прямую роль (информационную), но и являются средством массовой коммуникации. В этом ключе интересны статьи Т.С. Шугайло и И.В. Солодовник.

Статья Т.С. Шугайло посвящена анализу антисоветской пропаганды на страницах русской эмигрантской периодической печати в США в 1950-е годы. Нетрудно заметить, что образ врага всегда способствовал сплочению группы антагонистов. Эмигрантская периодика играла непосредственную роль в формировании взглядов русской диаспоры в США в отношении Советского Союза, способствовала ее консолидации. С другой стороны, антикоммунистическая риторика обеспечивала эмигрантам лояльность и понимание со стороны общества-реципиента. В период "холодной войны" русская эмиграция и издаваемая ею периодическая печать стали так же рассматриваться в США как один из важных пропагандистских инструментов в противодействии Западу СССР. Автор, прежде всего, обращается к публикациям старейших русскоязычных газет в Америке – "Нового русского слова" и "России". Эти издания отражали идейные настроения широких слоев русской общественности в США того времени.

В работе И.В. Солодовник рассматриваются русскоязычные СМИ

в Австралии и Канаде. Уже в конце XIX в. в этих двух доминионах Великобритании образовалась большая община выходцев из Российской империи. Сегодня данные страны по-прежнему привлекательны для трудовых мигрантов из бывшего СССР и России. По данным департамента статистики Канады в 2006 г. в ней проживало свыше полумиллиона русских. В Австралийском союзе – свыше 67 тысяч человек¹. Это значительно меньше, чем в США (2652 тыс. человек), но намного больше, чем в Китае (15,5 тыс. человек). Автор оценивает привлекательность Австралии и Канады в разные периоды времени для тех или иных групп мигрантов из России, рассматривает истоки местных печатных и аудиовизуальных русскоязычных СМИ, и современное их состояние.

Завершает рубрику исследование И.В. Ставрова, посвященное адаптации русских в Маньчжурии во второй четверти XX века. Автор вводит в научный оборот не использовавшиеся ранее материалы Государственного архива Хабаровского края. Жизнь русских в Китае имела свою средовую специфику и сильно отличалась от таковой в англоязычных странах. В особенности это проявилось в такой сфере как культурно-просветительская. Несмотря на расцвет русской печати, образования и даже науки, сохранению замкнутого образа жизни здесь способствовали большие цивилизационные барьеры. Чуждые язык и культура консервировали русскую общину. С одной стороны, это сохраняло целостность диаспоры, с другой, делало ее инородным телом в китайском социуме. Для большинства русских Китай не стал второй родиной. Дело обстоит так, что сегодня именно китайская сторона активно поощряет интерес к русской культуре в указанном регионе, исходя из потребностей бизнеса и других причин.

Латушко Ю.В.

¹ Данные по Канаде (2006) доступны из [Электронный ресурс]. URL: <http://www40.statcan.gc.ca/l01/cst01/demo26a-eng.htm>; по Австралии: <http://www.abs.gov.au/websitedbs/D3310114.nsf/home/Census+data>; по США (2000): http://factfinder.census.gov/servlet/QTTable?_bm=y&-geo_id=01000US&-qr_name=DEC_2000_SF3_U_QTP13&-ds_name=DEC_2000_SF3_U; по Китаю (2000): <http://141.211.142.26/member/census2000/ybtableview.asp?ID=13945>.

В англоязычных странах русскими принято называть всех, кто в ходе переписи указал Россию как страну своего происхождения.